

СЕРГЕЙ ВЯЗЕМСКИЙ

ДЕЛО
О ЦВЕТОЧНОМ КРУГЕ

Сергей Вяземский

Дело о цветочном круге

«Автор»

2025

Вяземский С.

Дело о цветочном круге / С. Вяземский — «Автор», 2025

Санкт-Петербург, 1898 год. Ледяное дыхание зимы сковывает гранитные набережные, но в оранжерее купца Лебедева царит вечное лето. До тех пор, пока безмятежность тропического рая не пронзает леденящий ужас: его дочь найдена мертвой в центре идеального круга из редких цветов. Для полиции — это дерзкий оккультный ритуал, дело рук новомодных спиритуалистов. Но сыскной пристав Арсений Лыков, чей разум остер, как финский нож, видит в этой мертвой симметрии не мистический шепот, а холодный, безжалостный расчет. Ему предстоит погрузиться в мир позолоченной лжи высшего света, расшифровать безмолвный язык цветов и сорвать маски с тех, кто прячет за спиной не гримуары, а семейные тайны, пропитанные кровью и пеплом давно забытого пожара. Это интеллектуальная дуэль, где каждая деталь — ключ, а цена ошибки — собственная жизнь.

© Вяземский С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Холодное цветение	5
Шепот в сургуче	11
Фальшивые звезды	16
Химический след	22
Карты теней	27
Цена молчания	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Вяземский

Дело о цветочном круге

Холодное цветение

Пролетка, гремя железом по обледенелым выступам брусчатки, качнулась так резко, что желтый свет газового фонаря на миг мазнул по стеклу, выхватив из темноты замысловатый морозный узор, похожий на скелет диковинного папоротника. Арсений Петрович Лыков не шелохнулся, лишь плотнее запахнул тяжелое суконное пальто, вдыхая смешанный запах холодной шерсти, табака, въевшегося в подкладку, и той особенной, озоновой свежести, что бывает лишь в петербургском воздухе, когда столбик термометра падает ниже двадцати градусов. Город за окном был не мертв, но скован глубоким сном. Каменные гиганты доходных домов стояли в ледяной броне инея, их темные окна казались закрытыми веками, а редкие огни в них – случайными, беспокойными мыслями спящего. Нева, замершая под толстым панцирем, молчала, укрытая белым саваном снега. Тишину нарушал лишь скрип полозьев да фыркание лошади, чей пар изо рта густыми клубами таял в стылом воздухе.

Извозчик натянул вожжи напротив особняка, который даже в ряду своих роскошных соседей по Английской набережной выделялся тяжелой, уверенной в себе основательностью. Два ряда высоких окон смотрели на замерзшую реку с неприступным достоинством. В отличие от соседних домов, погруженных во мрак, здесь почти все окна на первом этаже горели нервным, ярким светом, который проливался на утопанный снег тревожными желтыми прямоугольниками. У парадного входа, под чугунным козырьком, застыли две фигуры, одна из которых, принадлежавшая городовому, нетерпеливо притоптывала валенком.

Лыков расплатился с извозчиком, бросив ему монету, звякнувшую о промерзшую кожу перчатки, и ступил на тротуар. Снег под его сапогами издал сухой, недовольный хруст. Городовой, молодой парень с испуганными глазами и красным от мороза носом, вытянулся в струнку.

– Ваше высокоблагородие! Сыскной пристав Лыков? Ждем-с. Околоточный надзиратель Клюев велели вас встречать и немедленно провожать.

– Что стряслось, голубчик? В депеше только адрес да пометка «особой срочности».

Городовой поежился, будто от холода, хотя дело было явно не в нем. Он понизил голос до сдавленного шепота, оглядываясь на массивную дубовую дверь.

– Беда, ваше высокоблагородие. Ужасная беда. У купца Лебедева... дочь. Анну Кирилловну... нашли. Мертвой.

Лыков молча кивнул, его лицо в полумраке под козырьком казалось высеченным из камня. Он не задавал лишних вопросов. Всеу свое время. Он лишь отметил про себя, как голос юноши дрогнул на слове «нашли», словно само это слово обжигало язык. Дверь за спиной городского приоткрылась, выпуская наружу облако теплого воздуха и полосу света. В проеме стоял дворецкий – высокий, сухой старик в безупречном черном сюртуке, с лицом, похожим на старый пергамент, где ни одна складка не была случайной.

– Арсений Петрович, покорнейше просим. Кирилл Афанасьевич... не в себе.

Лыков вошел внутрь, и мир мгновенно изменился. Холод, простор и чистый морозный воздух остались за спиной. Здесь, в огромном холле, воздух был неподвижным, густым, пропитанным сложным букетом запахов: пчелиного воска от натертых до зеркального блеска полов, старого дерева резных панелей, едва уловимого аромата дорогих сигар и чего-то еще – тонкого, тревожного, как запах остывающего металла. Тишина давила на уши. Единственным звуком было тяжелое, медленное тиканье напольных часов в резном дубовом футляре, отмерявших время с безразличной неотвратимостью. Их маятник, тускло поблескивая медью, казался сердцем этого замершего в горе дома.

– Где она? – спросил Лыков тихо. Его голос не нарушил тишины, а скорее вплеся в нее.

Дворецкий вздрогнул.

– В зимнем саду, сударь. Там... ее и обнаружили. Прошу за мной.

Они двинулись по коридору, чьи стены были увешаны темными портретами в массивных золоченых рамах. Предки Лебедевых, купцы в тяжелых шубах и их жены в жемчугах, взирали со стен с одинаковым суровым неодобрением. Под ногами Лыкова беззвучно расстилалась толстая ковровая дорожка, поглощавшая шаги. Он заметил, как дрожат руки старика-дворецкого, как неестественно прямо тот держит спину, словно боится рассыпаться от одного неверного движения. По мере их продвижения вглубь дома воздух начал меняться. К запахам воска и дерева примешалась отчетливая нота влажной земли, а температура неумовимо поползла вверх.

У застекленной двери в конце коридора их ждал околоточный Ключев – грузный, потный мужчина с багровым лицом, на котором растерянность боролась с желанием казаться значительным.

– Арсений Петрович, слава Богу! – выдохнул он, промокая платком лоб, несмотря на то, что за окнами трещал мороз. – Я... я такого за всю службу не видывал. Чертовщина какая-то. Бесовство.

Лыков окинул его спокойным взглядом.

– Оставьте бесовщину попам, Ключев. Докладывайте по существу. Кто нашел? Когда?

– Садовник, герр Штольц. Час назад. Пришел проверить топку... и вот. Он в обмороке почти, в людской отпаивают. Хозяин, Кирилл Афанасьевич, как увидел – закричал и заперся в кабинете. Никого не пускает. Брат покойной, Дмитрий Кириллович, он в себя пришел быстрее, он и велел в участок звонить.

Лыков перевел взгляд на застекленную дверь. Сквозь матовое стекло пробивался мягкий, рассеянный свет, и виднелись размытые силуэты огромных растений. Он положил руку на холодную медную ручку, ощутив ее гладкую, тяжелую поверхность.

– Кто-нибудь входил после обнаружения? Кроме вас.

– Никак нет! Я приказал никого не пускать, – с гордостью отпартовал Ключев. – Все как есть, нетронут. Только... вы сами увидите. Готовьтесь, Арсений Петрович. Зрелище... не для слабонервных.

Лыков открыл дверь и шагнул внутрь.

И на него обрушился другой мир.

Физический удар тепла и влаги был так силен, что на мгновение перехватило дыхание. Воздух, густой и теплый, словно тропический сироп, обволакивал легкие, неся в себе терпкие запахи влажной земли, сладковатую гниль орхидей и острую, зеленую ноту раздавленного пальцами листа герани. Стекланный потолок, затянутый снаружи толстым слоем изморози, превращал тусклый жемчужный свет петербургского утра в мягкое, неземное сияние, словно они опустились на дно молочного моря. Огромные, мясистые листья фикусов и пальм отбрасывали на выложенные плиткой дорожки причудливые, глубокие тени. Где-то в гуще зелени тихо журчала вода – должно быть, небольшой фонтанчик. Это был рукотворный Эдем, оазис вечного лета, нагло и вызывающе устроенный посреди ледяной пустыни русской зимы.

И в центре этого рая лежала смерть.

Она лежала на небольшой круглой поляне, покрытой мягким зеленым мхом. Молодая женщина в простом белом пеньюаре, который делал ее похожей на античную статую, оброненную богами. Длинные русые волосы разметались по мху темным ореолом. Фарфорово-белая кожа казалась прозрачной в этом странном свете. На лице застыло выражение не ужаса, а какого-то удивленного, почти безмятежного спокойствия. Но не это приковывало взгляд.

Вокруг тела был выложен идеальный, безупречный круг из цветов.

Лыков медленно, почти не дыша, подошел ближе. Круг был шириной не меньше аршина и состоял из сотен головок свежесрезанных цветов, уложенных с математической точностью. Темно-красные, бархатные розы сменялись молочно-белыми гиацинтами, те, в свою очередь, уступали место темно-синим, почти черным ирисам. Цвета не смешивались, а переходили один в другой, создавая эффект мерцающей, живой мозаики. В этом не было ничего от скорбного убранства. Это была композиция, исполненная с холодным, отстраненным чувством прекрасного. Симметрия была настолько совершенной, что казалась противоестественной. Ни один лепесток не был смят, ни одна линия не была нарушена.

– Видите? – прошептал за его спиной Ключев, и шепот его в этой влажной тишине прозвучал оглушительно громко. – Круг... Как у этих... спиритов, что покойников вызывают. Ритуал, чистое дело ритуал!

Лыков не ответил. Он опустился на одно колено у самой границы цветочного кольца, стараясь не нарушить геометрию сцены. Его взгляд, острый, как финский нож, скользил по деталям, не поддаваясь гипнозу общей картины. Он не видел мистики. Он видел факты.

Тело лежало точно в центре. Руки были аккуратно сложены на груди. Никаких видимых следов борьбы или насилия. Одежда не порвана. Рядом с головой девушки, прямо на мху, лежала раскрытая тетрадь в простом черном переплете. На страницах виднелись странные, угловатые рисунки, похожие на пентаграммы и астрологические символы. У ее ног, по четырем

сторонам воображаемого квадрата, стояли четыре толстые восковые свечи. Они не горели. Их фитили были черны, но воск вокруг них не оплыл, словно их зажгли и тут же потушили.

– А это что? – голос Лыкова был спокоен. Он указывал на тетрадь.

– Ее тетрадь, должно быть, – торопливо ответил Ключев. – Горничная сказывала, барышня в последнее время всякой этой чертовщиной увлекалась. Спиритизмом, теософией... Вот, доувлекалась. Вызвала кого-то, а он ее и прибрал.

Лыков медленно поднялся. Его разум работал четко и холодно, отсекая шелуху предположений. Ритуал. Слишком красиво. Слишком театрально. Слишком... чисто. Он сделал несколько шагов по периметру, его сапоги оставляли темные влажные следы на светлой плитке. Он заметил, что внутри цветочного круга, на мягком мху, не было ни одного следа, кроме тех мест, где покоилось тело. Словно ее опустили сюда с воздуха. Или... или тот, кто это сделал, умел летать. Или, что более вероятно, знал, как не оставлять отпечатков.

Он снова посмотрел на цветы. Роскошные, редкие для зимы. Свежие, будто срезанные только что. Капли росы или воды блестели на их лепестках, как слезы. Он наклонился и осторожно, двумя пальцами в перчатке, коснулся лепестка одной из роз. Он был холодным и влажным. Но не от воды. Он был холодным от того же холода, что уже начал сковывать тело девушки.

Запах. Лыков закрыл глаза, втягивая воздух. Какофония цветочных ароматов была почти одуряющей. Сладкий, тяжелый запах гиацинтов, пряный, терпкий – роз, тонкий, фиалковый – ирисов. Но сквозь эту симфонию пробивалась еще одна, едва уловимая нота. Не цветочная. Что-то химическое, резковатое. Запах, которому здесь было не место. Он принялся к одной из свечей. Да. Запах шел от них. Не простой воск. Что-то было подмешано в состав.

– Вызовите фотографа, Ключева, – приказал он, не оборачиваясь. – И судебного лекаря. И никого, слышите, никого сюда не пускать, пока они не придут. Оцепите весь зимний сад. Каждый вход и выход.

Он услышал, как околоточный, обрадованный возможностью действовать, а не созерцать этот кошмар, заторопился прочь. Лыков остался один на один с мертвой девушкой и ее безмолвным цветочным хороводом. Он снова обошел круг, на этот раз глядя не на тело, а на окружение. На стеллажи с глиняными горшками, на медные лейки, на мешки с землей в дальнем углу. Все было на своих местах. Идеальный порядок. Слишком идеальный. Как и этот круг. Как и вся эта сцена.

Это не было делом рук безумца, охваченного мистическим экстазом. Безумие хаотично, оно оставляет после себя беспорядок, следы страсти и ярости. А здесь царил расчет. Холодный, безжалостный, математически выверенный расчет. Каждый цветок был на своем месте. Каждая свеча. Каждая линия в тетради. Это была не жертва, принесенная темным богам. Это было сообщение. Декларация. Идеально поставленный спектакль, рассчитанный на то, чтобы направить следствие по ложному, удобному для убийцы пути.

В дальнем конце оранжереи послышался тихий шорох. Лыков обернулся. Из-за огромного фикуса вышел молодой человек. Высокий, одетый с безупречным, почти вызывающим вкусом в дорогой домашний костюм из темного бархата. Его лицо, бледное и тонкое, было

совершенно спокойным, если не считать глаз – очень темных, умных и непроницаемо пустых. Он не смотрел на тело сестры. Он смотрел прямо на Лыкова.

– Сыскной пристав Лыков, я полагаю? – его голос был ровным, без малейшего намека на дрожь. – Я Дмитрий Лебедев. Это я просил вас вызвать.

– Мне доложили, что вы были здесь, когда ее нашли, – сказал Лыков, не двигаясь с места.

– Я прибежал на крик садовника. Отец... он не смог этого вынести. Кто-то должен был сохранять трезвость ума.

«Трезвость ума», – мысленно повторил Лыков. Удивительная трезвость для человека, только что потерявшего сестру. Дмитрий сделал шаг вперед, его домашние туфли с тихим шелестом ступили на плитку. Он тоже обвел взглядом сцену, но в его зоре не было ни ужаса, ни горя. Лишь холодное, оценивающее любопытство, как у ценителя, разглядывающего картину.

– Они говорят, это спиритуалисты, – произнес он так же ровно. – Анна увлекалась. Посещала какой-то салон мадам Розетти. Читала эти глупые книги. Видимо, зашла слишком далеко в своих играх с духами.

Он говорил об этом так, будто обсуждал неудачную инвестицию. Лыков молчал, давая ему высказаться. Он видел, как за внешним спокойствием молодого человека скрывается колоссальное напряжение. Его пальцы, сжимавшие шелковый шнур халата, были белыми от силы.

– Вы так не думаете, пристав? – спросил Дмитрий, поймав его взгляд.

– Я пока ничего не думаю, – ответил Лыков. – Я собираю факты. А факты таковы: ваша сестра мертва, и кто-то приложил огромные усилия, чтобы это выглядело как оккультный ритуал.

Он намеренно сделал акцент на словах «выглядело как». Легкая тень, мимолетное раздражение, промелькнула в глазах Дмитрия Лебедева и тут же исчезла.

– Возможно, – он пожал плечами. – Я в этом не разбираюсь. Я коммерсант. Я верю в цифры, а не в символы. Надеюсь, вы найдете тех, кто это сделал. Отец не переживет, если ее смерть останется безнаказанной.

Он развернулся и так же тихо пошел к выходу, не оглянувшись на тело сестры. У самой двери он остановился.

– Если вам что-то понадобится, пристав, я в библиотеке. Пытаюсь привести отца в чувство.

Дверь за ним закрылась. Лыков снова остался один. Он подошел к тетради, лежавшей на мху. Не прикасаясь к ней, он наклонился, всматриваясь в рисунки. Они были выполнены твердой, уверенной рукой. Слишком уверенной. Линии были четкими, ровными, словно проведенными под линейку. Не было ни исправлений, ни помарок, ни следов творческого порыва,

который сопутствует мистическому озарению. Это были не рисунки верующего. Это были чертежи. Схемы.

Он выпрямился, и его взгляд снова упал на цветочный круг. На это мертвое, холодное цветение посреди искусственного лета. Симметрия больше не казалась ему мистической. Теперь она выглядела как чертеж клумбы в парке. Идеальная, бездушная схема, в центре которой по чужой, безжалостной воле оказалось человеческое тело.

Нет, шептал его разум, здесь нет ничего от мира духов. Здесь пахнет не серой и ладаном, а деньгами, тайнами и старой, давно забытой кровью. И он, Арсений Лыков, докопается до них, даже если для этого придется выкорчевать с корнем весь этот прекрасный, ядовитый сад. Он достал из кармана трубку и записную книжку. Приключение начиналось.

Шепот в сургуче

Пламя в камине, ленивое и сытое, облизывало просмоленные поленья, отбрасывая на книжные корешки в кожаных переплетах дрожащие блики, похожие на мимолетные, тревожные мысли. Библиотека купца Лебедева была оплотом мужского мира: тяжелая дубовая мебель, глобус в углу, пахнувший лаком, и густой, застоявшийся запах кожи, сургуча и холодного сигарного дыма. Здесь, в этом святилище порядка и капитала, хаос, ворвавшийся в дом, казался особенно неуместным. Лыков сидел в глубоком вольтеровском кресле, обитом темно-зеленым бархатом, и молча раскуривал трубку. Горьковатый аромат вишневого табака смешивался с другими запахами, но не растворялся в них, утверждая свое присутствие. Он ждал. Ожидание было таким же инструментом в его арсенале, как лупа или пинцет. Оно давало людям время наполниться своими страхами, обдумать свою ложь, и когда он наконец начинал говорить, их защита уже давала трещины.

В оранжерее остались работать судебный лекарь, доктор Штерн, педантичный немец с холодными, как лед, глазами, и фотограф из полицейского управления, маленький суетливый человек, чей магниевый порошок то и дело озарял тропическую зелень мертвенно-бледными, призрачными вспышками. Каждый такой всполох был похож на беззвучный удар молнии, запечатлевший трагедию на стеклянной пластине. Лыков забрал оттуда только два предмета: тетрадь с символами и одну из нетронутых свечей, аккуратно завернутую в чистый носовой платок. Эти вещи лежали сейчас на краю массивного письменного стола, молчаливые свидетели, чей язык ему предстояло расшифровать.

Дверь отворилась почти беззвучно, и в библиотеку, ступая так, словно боялась потревожить пылинки в воздухе, вошла мадемуазель Бланшар, гувернантка и компаньонка покойной. Это была женщина неопределенного возраста, высохшая, как осенний лист, с туго стянутыми на затылке седыми волосами и лицом, на котором застыло выражение вечной, терпеливой скорби. Она была одета в строгое черное платье с белоснежным крахмальным воротничком, который, казалось, впивался ей в шею. От нее тонко пахло лавандовой водой и нафталином.

– Вы хотели меня видеть, мсье пристав? – ее русский язык был безупречен, но мелодика фразы выдавала француженку.

– Присядьте, мадемуазель, – Лыков указал на кресло напротив. Он не встал, оставаясь в тени, позволяя огню в камине освещать ее лицо, превращая каждую морщинку в глубокую тень. – Вы были близки с Анной Кирилловной.

Она поджала тонкие, бесцветные губы. В ее руках появился крошечный батистовый платочек, который она принялась терзать костлявыми пальцами.

– Я служила в этом доме с ее рождения. Я учила ее французскому, манерам... Я была ей... почти матерью, после кончины ее покойной матушки.

– Тогда вы должны были замечать перемены в ней. Что-то необычное в последнее время.

Мадемуазель Бланшар отвела взгляд в сторону камина. Огонь отражался в ее блеклых глазах двумя маленькими, беспокойными точками.

– Аннушка всегда была... впечатлительной натурой. Романтичной. Она много читала, мечтала. Этот дом был для нее золотой клеткой. Кирилл Афанасьевич любит своих детей, но его любовь тяжела, как его же сундуки с золотом. Он хотел выдать ее замуж за сына своего компаньона, человека вдвое старше ее, скучного и приземленного. Анна задыхалась.

– И нашла отдушину в спиритизме? – мягко подсказал Лыков.

Гувернантка вздрогнула, словно он коснулся больного места.

– Ах, это ужасное, модное поветрие! – прошептала она. – Сначала это были просто книги. Блаватская, Аллан Кардек... Она читала их ночами напролет. Потом... потом она стала посещать собрания. Тайно от отца. Она говорила, что ищет общения с тонкими мирами, что души умерших могут дать ей ответы, которых она не находит в этой жизни. Я умоляла ее прекратить, говорила, что это опасно, что это грех! Но она не слушала. Она говорила, что я ничего не понимаю, что она на пороге великого открытия.

– Вы знаете, кого именно она посещала? Какие собрания?

– Она упоминала одну даму... медиума. Мадам Розетти. Говорила, что это необыкновенная женщина, которая открыла ей глаза на истинную суть вещей. Анна стала замкнутой, скрытной. Иногда по ночам я слышала, как она говорит с кем-то у себя в комнате. Но там никого не было. Она говорила, что общается с духами... О, Боже мой, я знала, что это добром не кончится! – ее голос сорвался, и она прижала платок к губам, подавляя всхлип.

Лыков дал ей мгновение, чтобы совладать с собой. Ее горе казалось искренним. Но он также видел в ее глазах страх. Страх не только за покойную, но и за себя.

– Эта тетрадь вам знакома? – он кивком указал на стол.

Женщина бросила на черный переплет испуганный взгляд, словно это была ядовитая змея.

– Да... Я видела ее у Анны. Она часами чертила в ней эти... эти ужасные знаки. Говорила, что это ключи, которые открывают врата. Я сожгла бы эту дьявольскую книгу, если бы могла!

– Последний вопрос, мадемуазель. Когда вы в последний раз видели Анну Кирилловну живой?

– Вчера вечером. Она была странной. Возбужденной, но в то же время очень спокойной. Она обняла меня перед сном, чего давно не делала. Сказала: «Скоро все изменится, моя добрая Жюли. Я наконец обрету свободу». Я подумала, она говорит о замужестве... Я не поняла... я ничего не поняла...

Ее плечи затряслись в беззвучных рыданиях. Лыков молчал, выпуская облачко дыма. Свобода. Странное слово для ночи самоубийства. Или убийства. Он дождался, пока она немного успокоится, и ровным голосом произнес:

– Вы свободны, мадемуазель. Попросите дворецкого пригласить сюда управляющего, господина Волкова.

Когда француженка вышла, неслышно притворив за собой дверь, Лыков поднялся и подошел к столу. Он взял в руки свечу. Воск был плотным, желтоватым, с какими-то темными вкраплениями. Он поскреб его ногтем и поднес к носу. Да, тот самый резкий, химический запах, который он уловил в оранжерее, здесь был еще сильнее. Запах борьбы. Но не с демонами. С чем-то куда более приземленным.

Следующим в библиотеку вошел Прохор Игнатьевич Волков. Это был человек совершенно иного склада, чем остальные обитатели дома. Крепкий, широкоплечий, с жестким, обветренным лицом и цепким взглядом умных крестьянских глаз. Одет он был в добротный, но не модный сюртук. Он не сел, а остался стоять посреди комнаты, всем своим видом демонстрируя, что он человек дела и не намерен тратить время на пустые разговоры.

– Вызывали, господин пристав?

– Вы управляющий в доме Лебедевых, господин Волков?

– Я управляю всеми делами Кирилла Афанасьевича. И домом, и складами, и паровой конторой. Уже пятнадцатый год.

– Значит, вы хорошо знали покойную.

Волков хмыкнул, скривив губы в усмешке, лишенной всякого веселья.

– Знал, что была дочь у хозяина. Девушка мечтательная, не от мира сего. Все в облаках витала. Отец ей деньги на булавки выдавал, а она их на книжки пустые тратила да на всяких проходимцев.

– Проходимцев? – Лыков уцепился за слово. – Вы говорите о ком-то конкретном?

– А как же. Я за финансами слежу, каждая копейка у меня на счету. Последние полгода у Анны Кирилловны расходы выросли непомерно. Я доложил хозяину, но он только рукой махнул, мол, девичьи прихоти. А я вижу, что деньги уходят не на платья. Несколько раз в неделю она брала извозчика и ехала на Гороховую. Всегда по одному адресу. Я любопытствовал. Оказалось, там салон некой мадам Розетти.

– Вы навели о ней справки?

– Навел. Гадалка, медиум, а по-нашему – обыкновенная мошенница. Пудрит мозги богатым дурачкам, устраивает сеансы за баснословные деньги. У меня в полиции есть знакомый околоточный. Говорит, давно за ней наблюдают, да взять не за что. Все добровольно.

Лыков кивнул, медленно расхаживая по комнате. Скрип его сапог по паркету был единственным звуком, нарушавшим треск поленьев в камине.

– Анна Кирилловна приводила кого-нибудь из этого салона сюда, в дом?

Волков нахмурился, припоминая.

– Было дело, пару раз. Какой-то хлыщ вертлявый захаживал. Представлялся поэтом, что ли. Бледный, с горящими глазами. Носил бархатную куртку и нес какую-то ахинею про астральные тела. Анна Кирилловна слушала его, открыв рот. А он, я заметил, больше на серебро столовое поглядывал. Звать его, кажется, Аркадий Висленев.

– Он бывал здесь в последние дни?

– Нет. После того, как я намекнул Кириллу Афанасьевичу, что негоже таким личностям в приличном доме бывать, визиты прекратились. Хозяин с дочерью серьезно поговорил. Был скандал. Кажется, после этого она и вовсе с катушек съехала.

Управляющий говорил сухо, по-деловому, словно составлял отчет о недостатке товара на складе. Ни тени сочувствия. Для него Анна Лебедева была лишь досадной статьей расходов и источником проблем для хозяина.

– Благодарю вас, господин Волков. Это все на данный момент.

Когда и он ушел, Лыков подошел к окну. Тяжелая бархатная портьера была холодной на ощупь. Он чуть отодвинул ее. Тусклый жемчужный свет петербургского дня едва пробивался сквозь пелену низких облаков. На улице ничего не изменилось. Все тот же мороз, тот же сонный, застывший город. Но здесь, внутри особняка, мир перевернулся. И все нити, казалось, вели в одно место – в салон на Гороховой, где предприимчивая мадам торговала общением с потусторонним миром. Версия становилась все более стройной, почти безупречной. Слишком безупречной.

Оставалась комната покойной. Это было последнее место, где еще мог сохраниться ее живой, неискаженный горем и ложью след. Он попросил дворецкого проводить его. Комната Анны находилась на втором этаже, в конце длинного коридора. Она разительно отличалась от остального дома. Светлая, почти воздушная, с белой мебелью в стиле Людовика XVI, кисеей на окнах и акварелями на стенах. Здесь пахло фиалковыми духами, пылью и чем-то еще, едва уловимым и странным – смесью ладана и сушеных трав. Это был мир юной девушки, но в него уже вторглись тени иного, чуждого мира.

На туалетном столике рядом с серебряной щеткой для волос и флаконами духов лежали стопкой книги с причудливыми названиями: «Разоблаченная Изидра», «Голос Безмолвия», «Книга Духов». Лыков наугад открыл одну из них. Страницы были испещрены восторженными пометками, сделанными тонким женским почерком.

Он начал методичный осмотр. Его движения были неторопливыми и точными. Он не рылся, а исследовал, позволяя предметам самим рассказывать свою историю. Он заглянул под кровать, проверил содержимое гардероба, пролистал ноты на пюпитре у фортепиано. Все было на своих местах. Девичий порядок, в котором, однако, чувствовалась какая-то внутренняя лихорадка.

И он нашел то, что искал.

В ящике письменного стола, под кипой старых писем, перевязанных выцветшей лентой, лежал конверт из плотной дорогой бумаги. Он был запечатан большой каплей темно-красного сургуча с оттиском странной печати – змея, кусающая собственный хвост. Уроборос. Символ

вечности и цикличности. На конверте твердым, каллиграфическим почерком было выведено одно слово: «Отцу».

Лыков на мгновение замер. Вот оно. Предсмертное письмо. Ключ ко всей истории, который должен был расставить все по своим местам. Он осторожно вскрыл конверт небольшим перочинным ножом, стараясь не повредить печать. Внутри оказался один лист, исписанный тем же уверенным почерком, что и символы в тетради.

«Дорогой папа! Когда ты будешь читать эти строки, меня уже не будет в этом сером и удушливом мире. Не скорби обо мне. Я не умерла, я лишь совершила переход. Мои истинные друзья и наставники ждут меня там, за завесой. Они открыли мне, что смерть – это лишь дверь в настоящую жизнь, полную света и знания. Я долго готовилась к этому шагу. Ритуал должен быть исполнен в точности, как они учили. Это мой выбор и мое освобождение. Не ищи виновных. Виновных нет. Есть только путь, который я избрала сама. Прощай. Твоя Анна».

Лыков дочитал до конца и медленно опустил листок. Текст был выверенным, патетичным, почти литературным. Каждое слово стояло на своем месте. Каждая фраза была точно в цель, создавая образ девушки, доведенной до отчаяния и нашедшей утешение в мистическом самоубийстве. Это письмо снимало все вопросы. Оно объясняло и цветочный круг, и свечи, и странные символы. Оно давало полиции простой и ясный ответ, позволяющий закрыть дело, не беспокоя могущественную семью Лебедевых долгим и грязным расследованием.

Он снова взял письмо в руки. Бумага была дорогой, верже, с водяными знаками. Чернила – качественные, черные, не выцветшие. Но что-то было не так. Лыков поднес лист ближе к свету из окна. Почерк. Он был слишком идеальным. Слишком ровным для человека, пишущего прощальное письмо. В нем не было ни дрожи, ни спешки, ни следов слез, которые неминуемо смазали бы чернила. Каждая буква была выведена с той же холодной аккуратностью, что и пентаграммы в тетради. Это было не эмоциональное прощание. Это было безупречно исполненное каллиграфическое упражнение.

Лыков аккуратно сложил письмо и убрал его вместе с конвертом во внутренний карман пальто. Он еще раз окинул взглядом комнату. Белая мебель, кисея, акварели. И на этом фоне – книги о магии, тетрадь с чертежами и письмо-декларация. Все это складывалось в такую ясную и непротиворечивую картину, что впору было аплодировать режиссеру.

Он вышел из комнаты и плотно притворил за собой дверь. В коридоре было тихо и сумрачно. Из холла доносилось мерное тиканье часов. Время шло, а он стоял на пороге тайны, которая только что попыталась с оглушительной убедительностью доказать ему, что ее не существует. Все кричало о сектантах и ритуальном самоубийстве. Управляющий, гувернантка, книги, тетрадь, письмо. Целый хор голосов, поющий одну и ту же мелодию. И именно эта слаженность, эта идеальная гармония фальши и заставляла его разум работать с удвоенной силой.

Потому что в настоящей жизни, в настоящих трагедиях никогда не бывает такого безупречного порядка. Настоящая жизнь всегда оставляет после себя беспорядочные, нелогичные и противоречивые следы. А то, что он видел здесь, было не следом жизни или смерти. Это была декорация. И его работа заключалась в том, чтобы найти за кулисами этого театра того, кто дергал за ниточки. Он спустился по лестнице. Впереди был визит на Гороховую, в салон мадам Розетти. Нужно было сыграть свою роль в этом спектакле, чтобы понять его правила.

Фальшивые звезды

Гороховая улица встретила Лыкова суетой и гвалтом, которые казались оглушительными после застывшей, скорбной тишины Английской набережной. Здесь жизнь не замирала даже в тисках мороза. Воздух, густой от печного дыма и пара из лошадиных ноздрей, был наполнен выкриками разносчиков, скрипом пролеток, звоном трамвайной конки и гудками автомобилей, этих новомодных, самодвижущихся экипажей, еще пугавших обывателей. Лыков шел по расчищенному от снега тротуару, вливаясь в поток меховых воротников, котелков и скромных платков. Он чувствовал себя хирургом, покинувшим стерильную операционную и вышедшим на шумную, грязную, но полную жизни городскую площадь. Запахи сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой: от булочной несло теплой сдобой и корицей, от скобяной лавки – железом и машинным маслом, от проезжавшего мимо ассенизационного обоза – удушливой, едкой вонью. Этот мир был груб, реален и подчинялся простым, понятным законам. И тем более чужеродным казалось то место, куда он направлялся – обитель, где торговали законами мира иного.

Нужный дом оказался обычным петербургским доходным колодцем – с облупившимся желтым фасадом, темными провалами окон и тяжелой парадной дверью, на которой висела медная табличка с десятком фамилий. Фамилии «Розетти» среди них не было. Лыков дернул за холодный чугунный штырь звонка, приписанного к квартире номер семь. В ответ раздалось нетребовательное жужжание, и замок внутри щелкнул с усталым вздохом.

Он вошел в полутемную парадную. Лестница, со стертыми каменными ступенями и ледяными чугунными перилами, пахла кошками, сыростью и кислой капустой. Этот запах был так же реален, как и мороз на улице. Но чем выше он поднимался, тем заметнее к этой бытовой симфонии ароматов примешивалась новая, настойчивая нота. Густой, сладковатый, пряный запах сандала и каких-то сушеных трав, который сочился из-под обитой черным войлоком двери седьмой квартиры. Он становился плотнее с каждой ступенькой, словно Лыков погружался в густой, невидимый сироп.

Он постучал. Некоторое время за дверью было тихо, затем послышались шаркающие шаги и звяканье цепочки. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показался один глаз, окруженный сеткой морщин.

– Слушаю вас, – проскрипел женский голос.

– Сыскная полиция. Пристав Лыков. Мне нужно видеть мадам Розетти.

Глаз в щели моргнул. Цепочка снова звякнула, и дверь отворилась. На пороге стояла согбенная старуха в темном платке, похожая на персонажа из сказок братьев Гримм. Она молча посторонилась, пропуская его внутрь.

Лыков шагнул через порог, и мир снова переменился. Если оранжерея Лебедевых была шоком для чувств из-за внезапного тепла и света, то здесь эффект был обратным. Он попал в царство вечных сумерек. Коридор был задрапирован тяжелыми, пыльными портьерами из темно-бордового бархата, которые поглощали не только свет из парадной, но и всякий звук. Шаги тонули в толстом, истертом ковре. Воздух был плотным, почти недвижимым, и запах благовоний здесь был настолько силен, что, казалось, его можно было резать ножом. Он оседал в

легких, слегка дурманя и притупляя ясность мысли. Лыков сделал короткий, незаметный вдох через рот, чтобы прочистить голову.

– Обождите здесь, – прошамкала старуха и исчезла за одной из портьер, оставив его одного в этом бархатном полумраке.

Лыков огляделся. Единственным источником света была одинокая лампа под абажуром из цветного стекла, висевшая в конце коридора. Она отбрасывала на стены и пол разноцветные, дрожащие пятна, похожие на синяки. В этом неверном свете он разглядел на стенах странные гравюры с астрологическими символами, египетскими божествами и анатомическими изображениями человеческой ауры. Все это было призвано с порога оглушить посетителя, выбить его из колеи привычного мира, сделать податливым и восприимчивым к чуду.

Шорох заставил его обернуться. Из-за портьеры, но уже другой, вышел тот самый Аркадий Висленев, которого описывал управляющий Волков. «Вертявый хлыщ». Описание было точным. Он был худ, высок и двигался с какой-то змеиной пластикой. На нем была черная бархатная куртка, изрядно потертая на локтях, и белоснежная рубашка с распахнутым воротом. Длинные темные волосы были небрежно зачесаны назад, открывая высокий, бледный лоб. Но главным в его внешности были глаза – большие, темные, горевшие лихорадочным, почти болезненным огнем. Он смотрел на Лыкова не как на человека, а как на явление, которое следует немедленно классифицировать.

– Вы из мира материи, – произнес он вместо приветствия. Голос его был глубоким и бархатным, явно поставленным для декламации стихов. – От вас пахнет морозом, железом и... сомнением. Учительница ждет вас.

Он откинул тяжелую портьеру, открывая вход в святая святых. Лыков последовал за ним.

Комната была большой, но казалась меньше из-за обилия мебели и драпировок. Все окна были наглухо зашторены тем же тяжелым бархатом. Воздух здесь был еще гуще, еще тяжелее от благовоний, к которым примешивался запах воска и чего-то сладковатого, похожего на прелые цветы. Свет исходил лишь от нескольких толстых свечей, расставленных в разных углах комнаты на низких столиках. Их пламя не столько освещало, сколько создавало причудливую игру теней, в которой знакомые предметы приобретали странные, пугающие очертания. Тени были длинными, как воспоминания, они ползали по стенам и потолку, заставляя пространство жить, дышать, двигаться. В центре комнаты стоял большой круглый стол, покрытый черным сукном, вокруг которого располагалось несколько стульев с высокими резными спинками.

За этим столом, в массивном кресле, похожем на трон, сидела она. Мадам Розетти.

Она была крупной, почти необъятной женщиной, облаченной в свободное платье из переливающейся темно-лиловой ткани, усыпанной вышитыми серебряной нитью звездами и полумесяцами. Ее лицо, широкое и бледное, с тяжелым двойным подбородком, казалось бы, должно было быть некрасивым, но в нем была странная, властная притягательность. Гладкие черные волосы, тронутые у висков сединой, были убраны в сложный узел, который венчал серебряный обруч. Но главное, что поражало в ней, были глаза. Абсолютно черные, бездонные, они смотрели на Лыкова без любопытства, без страха, с глубоким, всезнающим спокойствием жрицы, привыкшей к тому, что перед ней обнажают души. Ее руки, унизанные крупными перстнями с тусклыми камнями, неподвижно лежали на столе.

– Присядьте, пристав, – ее голос был низким, грудным, обволакивающим. Он не просто звучал в комнате, он, казалось, заставлял вибрировать сам воздух. – Я знала, что вы придете. Мир духов неспокоен сегодня. Они шептали мне о человеке закона, чье сердце полно холода и вопросов.

Лыков молча сел на предложенный стул напротив нее. Висленев бесшумно встал за ее креслом, превратившись в тень, в верного стража. Лыков не стал играть в ее игру. Он положил на черный суконный стол свой потертый кожаный портфель.

– Меня интересует не мир духов, мадам, а мир живых. И мертвых. Вы знали Анну Лебедеву.

На ее лице не дрогнул ни один мускул. Она медленно кивнула, и камни в ее перстнях тускло блеснули в свете свечей.

– Анна... Светлая душа, заблудившаяся в золотой клетке. Она приходила ко мне за ответами. Ее дух стремился вырваться из оков плоти, воспарить к высшим сферам. Она была очень одаренной ученицей. Одной из немногих, кто действительно слышал Голос.

– Какой голос она слышала, мадам? – ровно спросил Лыков.

– Голос Истины, – вмешался сзади Висленев с патетической дрожью в голосе. – Она была готова к Великому Переходу! Она говорила об этом, она мечтала об этом! Она поняла, что смерть – это не конец, а лишь начало!

Лыков даже не повернул головы в его сторону. Его взгляд был прикован к женщине.

– Она говорила вам о своих планах? О ритуале?

Мадам Розетти прикрыла глаза, словно прислушиваясь к чему-то, недоступному для слуха простых смертных.

– Мы не говорим о планах, пристав. Мы говорим о путях. Ее путь вел ее к освобождению. Она часто спрашивала о символах защиты и перехода. О силе круга, который отделяет мир живых от мира теней. О благовониях, которые умиротворяют духов. Она была прилежной ученицей.

– Настолько прилежной, что в точности скопировала ваши уроки в свою тетрадь? – Лыков открыл портфель и выложил на стол тетрадь Анны.

Висленев ахнул и подался вперед, чтобы лучше рассмотреть.

– Ее гримуар! Она достигла такого уровня...

– Тихо, Аркадий, – голос Розетти остановил его, не повышаясь, но обретая стальную твердость. Она открыла глаза и посмотрела на тетрадь. – Да. Это знаки, которые я ей давала. Священные символы, известные посвященным тысячи лет. Они помогают сфокусировать волю и открыть врата. Вижу, она все сделала правильно.

Она говорила об этом с гордостью наставника, чей ученик с отличием сдал экзамен. Лыков ощутил, как внутри него поднимается холодная волна гнева, но он не позволил ей проявиться.

– А предсмертные письма вы тоже помогаете составлять? – он вынул из кармана письмо Анны и положил его рядом с тетрадью.

На этот раз в глазах медиума мелькнуло что-то похожее на интерес. Висленев вытянул шею.

– Она оставила послание! – прошептал он. – Как и подобает истинно посвященной! Она объяснила свой выбор!

Лыков проигнорировал его.

– Почерк кажется мне знакомым. Уверенный, каллиграфический. Очень похож на тот, что я вижу на афишах, анонсирующих ваши вечера. Вы не находите?

Он нанес удар наугад, но удар точный. На мгновение, всего на одно неуловимое мгновение, спокойствие мадам Розетти треснуло. Ее черные глаза сузились, а пальцы чуть дрогнули, задев поверхность стола. Висленев за ее спиной замер, как пойманный на месте преступления школьник.

– Я не понимаю, о чем вы, – голос ее остался ровным, но в нем пропала обволакивающая теплота.

– Я говорю о том, что это письмо – фальшивка, – Лыков медленно, отдельно произнес каждое слово. – Как и все в этой комнате. Драпировки, скрывающие обшарпанные стены. Благговония, перебивающие запах сырости. И ваши беседы с духами, скрывающие обыкновенное мошенничество.

В комнате повисла тишина, настолько плотная, что казалось, в ней застыли даже пылинки, танцевавшие в лучах свечей. Висленев побледнел. Мадам Розетти, напротив, медленно выпрямилась в своем кресле, и ее необъятная фигура, казалось, заполнила собой все пространство. Властная жрица исчезла. На ее месте появилась умная, опасная и загнанная в угол хищница.

– Вы оскорбляете меня в моем собственном доме, пристав, – проговорила она ледяным тоном. – Вы играете с огнем. Есть силы, которые не подчиняются вашей полиции.

– Пока что я вижу только силы, которые очень хорошо подчиняются Уголовному уложению, – парировал Лыков. – Соучастие в доведении до самоубийства. Или, что еще хуже, сокрытие убийства. Анна Лебедева платила вам большие деньги. Что, если она решила прекратить эти платежи? Или пригрозила разоблачить вас?

– Это ложь! – выкрикнул Висленев, его голос сорвался на фальцет. – Анна была нашей верной последовательницей! Она бы никогда...

– Довольно! – оборвала его Розетти. Она снова обрела контроль над собой. На ее губах появилась слабая, презрительная улыбка. – Вы пришли с обвинениями, пристав, но у вас нет ничего. Анна была несчастной, экзальтированной девушкой. Она нашла утешение в нашей вере. Если она решила, что этот мир для нее слишком тесен, это ее трагедия, а не наша вина. Мы даем людям надежду. А как они ей распоряжаются – это их выбор.

Она была хороша. Очень хороша. Лыков понял, что прямым наскоком ее не взять. Он сменил тактику.

– Хорошо. Давайте поговорим о другом. О свечах. Анна использовала в своем... ритуале... особые свечи.

Он достал из портфеля завернутую в платок свечу и положил ее на стол.

Висленев посмотрел на свечу с благоговением.

– Свечи перехода! Учительница сама составляет их по древнему рецепту! В них сила трав, собранных в полнолуние, и масла, освященные на алтаре...

– В них сила карболки и еще какой-то химии, – буднично перебил его Лыков. – Запах очень специфический. У меня в участке так пахнет после дезинфекции. Не самый подходящий аромат для общения с высшими сферами, вам не кажется?

Теперь удар достиг цели. Лицо Висленева вытянулось от изумления. Он уставился на Розетти, ожидая ответа. А она молчала. Ее черный взгляд буравил Лыкова, пытаясь проникнуть в его мысли, понять, сколько он знает на самом деле.

– Иногда, – наконец произнесла она медленно, – для очищения пространства от низших сущностей требуются... сильнодействующие компоненты. Профанам этого не понять.

Ложь. Неуклюжая, сшитая на живую нитку ложь. Она не знала состава свечи. Она не имела к ней никакого отношения. Это была импровизация, и импровизация неудачная.

Лыков медленно поднялся, убирая улики обратно в портфель. Он получил все, что хотел.

– Благодарю вас за уделенное время, мадам. Возможно, мне понадобится поговорить с вами еще раз. И с вами, господин Висленев. Я бы не советовал вам покидать город в ближайшее время.

Он повернулся и пошел к выходу, чувствуя на своей спине ее тяжелый, ненавидящий взгляд. У самой портьеры он остановился и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

– Кстати, о свечах. Садовник купца Лебедева использует очень похожие для отпугивания вредителей в оранжерее. Говорит, отличное средство от паутиного клеща. Удивительное совпадение, не правда ли?

Он не стал дожидаться ответа. Он откинул тяжелую, пыльную портьеру и вышел в полутемный коридор. За спиной в комнате стояла мертвая тишина, еще более зловещая, чем их лживые речи.

Спустившись по лестнице, он снова оказался в реальности. Сырой запах парадной ударил в нос, смывая дурман благовоний. Он толкнул тяжелую входную дверь и шагнул на улицу. Морозный воздух обжег легкие, проясняя сознание. Город жил своей обычной жизнью: кричали извозчики, звенела конка, спешили по своим делам прохожие.

Лыков застегнул пальто и поднял воротник. Он шел по Гороховой, и в его голове все детали вставали на свои места. Мадам Розетти и ее поэт не были убийцами. Они были актерами, нанятыми для исполнения одной-единственной роли – роли главных подозреваемых. Им дали сценарий: девушка, увлекшаяся спиритизмом, совершает ритуальное самоубийство. Им дали реквизит: рассказы о ее визитах, о ее увлеченности, возможно, даже помогли подделать письмо. И они с блеском играли свои роли, направляя полицию по заранее проложенному, безопасному для истинного преступника маршруту. Их ложь была слишком явной, их театр – слишком нарочитым. Они были всего лишь дымовой завесой, красочной и ароматной, но не более того.

Кто-то очень умный и очень жестокий не просто убил Анну Лебедеву. Он использовал ее увлечения, ее наивность, ее трагедию, чтобы создать идеальное прикрытие. Он нанял мошенников, чтобы те своей ложью скрыли его правду.

Лыков остановился на углу и достал трубку. Раскуривая ее, он смотрел на серое петербургское небо, с которого начинал срываться мелкий, колючий снег. Фальшивые звезды в салоне мадам Розетти погасли. Теперь ему предстояло найти в этом холодном городе настоящую, черную звезду, вокруг которой вращалась вся эта история. И он чувствовал, что искать ее нужно не на грязных улицах, а за сверкающими окнами богатых особняков, где тайны хранятся так же тщательно, как фамильное серебро.

Химический след

Снег, начавшийся мелкой, колючей пылью, к тому времени как пролетка Лыкова добралась до Васильевского острова, превратился в густые, ленивые хлопья, беззвучно пожиравшие свет фонарей и звуки города. Они опускались на плечи и шапку пристава, таяли на ресницах, принося с собой запах остывшего неба и влажной шерсти тулупа извозчика. Университетская набережная была пустынна и бела, здания Академии наук и Кунсткамеры казались призрачными тенями, набросками, сделанными углем на сером холсте сумерек. Здесь, вдали от суеты центра, время текло иначе, подчиняясь не бою часов на думской башне, а вековому движению науки.

Лыков отыскивал нужный флигель в глубине университетского двора. Дверь в лабораторию профессора Врублевского не была заперта, и когда пристав вошел, его с порога окутал сухой, теплый воздух, пропитанный сложной смесью запахов, не имевших ничего общего с человеческим жильем. Пахло озоном, как после близкой грозы, кисловатой резкостью каких-то реактивов, пылью вековой давности и едва уловимым ароматом хорошего кофе. Сама лаборатория представляла собой упорядоченный хаос. Высокие, до потолка, шкафы были заставлены колбами, ретортами и склянками с рукописными латинскими этикетками. На длинных дубовых столах теснились микроскопы под стеклянными колпаками, весы, похожие на изящные качели для невидимых созданий, и сложные конструкции из стеклянных трубок, по которым лениво поднимались пузырьки газа. Где-то в углу негромко и монотонно гудел какой-то электрический аппарат, испуская слабое фиолетовое свечение.

За одним из столов, склонившись над горелкой, чье синее пламя шипело с едва слышным присвистом, сидел сам Станислав Карлович Врублевский. Это был худой, высокий человек с копной седых, вечно взъерошенных волос и в пенсне, съехавшем на кончик длинного, острого носа. На его сюртуке виднелось несколько свежих пятен от кислоты. Он был настолько поглощен своим занятием – наблюдением за тем, как в фарфоровой чашке меняет цвет какая-то жидкость, – что не заметил прихода гостя.

– Доброго вечера, Станислав Карлович, – негромко произнес Лыков, чтобы не напугать ученого.

Врублевский вздрогнул и резко обернулся. Его глаза за стеклами пенсне, серые и пронзительные, сфокусировались на приставе. Узнавание сменилось на его лице выражением вежливой досады.

– А, Арсений Петрович. Снова вы. Надеюсь, на этот раз вы принесли мне не желудок предполагаемого отравителя, который отобедал несвежими устрицами? Моя специализация – неорганическая химия, а не судебная медицина, я вам уже докладывал.

– На этот раз нечто более интересное, – Лыков подошел к столу и извлек из портфеля завернутую в платок свечу. Он аккуратно развернул ткань и положил желтоватый восковой цилиндр на свободный край стола. – Вот. Мне нужен полный состав этого изделия. И как можно скорее.

Профессор поправил пенсне и с видом великомученика, которого отвлекли от великих дел ради сущей безделицы, взял свечу двумя пальцами. Он поднес ее к носу, принюхался, и

выражение его лица неуловимо изменилось. Досада уступила место профессиональному любопытству.

– Любопытно... – пробормотал он. – Воск, парафин... это очевидно. Но есть что-то еще. Какая-то грубая органическая примесь. И... – он снова втянул носом воздух, – определенно сера. Да. И что-то из алкалоидов, если мой нос меня не обманывает. Где вы это взяли, если не секрет? В лавке какого-нибудь чернокнижника?

– Почти, – уклончиво ответил Лыков. – Это преподносится как ритуальный предмет для спиритического сеанса.

Врублевский хмыкнул, и в его серых глазах блеснул насмешливый огонек.

– Ритуальный? Ха! Чтобы вызвать дух какого-нибудь старого сапожника, надышавшегося гуталином? Оставьте это здесь. К утру я дам вам точную формулу этого... артефакта. Химия, Арсений Петрович, в отличие от спиритизма, не терпит двусмысленности. Она либо есть, либо ее нет. Зайдите завтра после полудня.

Лыков кивнул, поблагодарил и вышел, оставив профессора наедине с его колбами и горелками. Когда дверь за ним закрылась, он услышал, как Врублевский с довольным бормотанием уже скребет скальпелем по поверхности свечи, собирая стружку для анализа. Для химика это была просто интересная задача, головоломка. Для Лыкова – ключ, который мог либо запереть дверь ложной версии, либо открыть совершенно новую.

Возвращение в Сыскное отделение на Гороховой, в то самое здание, мимо которого он проходил всего несколько часов назад, было подобно погружению в холодную воду после парной. Шумный, пропахший казенными чернилами, дешевым табаком и человеческой тревогой мир немедленно обрушился на него. Дежурный околоточный, увидев его, вскочил и вытянулся.

– Ваше высокоблагородие, вас полицмейстер к себе требуют. Срочно. Уже дважды осведомлялись.

Лыков молча кивнул, сбрасывая на руки вестовому мокрое от снега пальто. Он знал, что этот вызов не сулит ничего хорошего. Генерал-майор Хвостов, полицмейстер Санкт-Петербурга, был человеком скорым на решения и нетерпимым к любым промедлениям, особенно в делах, которые могли бросить тень на репутацию города.

Кабинет Хвостова был полной противоположностью лаборатории Врублевского. Здесь царил не творческий, а бюрократический порядок. Огромный письменный стол из карельской березы был пуст, за исключением массивного бронзового прибора и одной-единственной папки с гербом. На стенах в тяжелых рамах висели портреты государей и карта города, испещренная флажками. Воздух был наэлектризован властью и пах дорогим одеколоном и сигарами, которые курил сам хозяин кабинета.

Генерал Хвостов, грузный, бритый наголо мужчина с тяжелой челюстью и бычьей шеей, которую, казалось, вот-вот прорвет тугой воротник мундира, стоял у окна, заложив руки за спину. Он не обернулся, когда Лыков вошел.

– Наконец-то, Арсений Петрович, – его голос, низкий и рокочущий, отразился от полированных поверхностей. – Я уже начал беспокоиться о вашем здоровье. До меня дошли слухи, что вы вместо того, чтобы производить аресты, разъезжаете по городу и ведете душеспасительные беседы.

– Я собираю факты, ваше превосходительство, – спокойно ответил Лыков, останавливаясь в нескольких шагах от стола.

Хвостов медленно повернулся. Его маленькие, глубоко посаженные глаза смотрели на пристава в упор, без тени дружелюбия.

– Факты? Какие вам еще нужны факты, Лыков? Мне уже доложили. Есть секта. Есть медиум, эта... Розетти. Есть одурманенная девица из хорошей семьи, которая покончила с собой под их влиянием. Есть предсмертное письмо, где все черным по белому написано. Дело ясное, как Божий день! Городской голова с утра обрывает мне телефон. Купец Лебедев – человек уважаемый, один из столпов общества. Он требует справедливости. То есть, скорейшего и показательного наказания виновных.

Он сделал паузу, взял со стола дымящуюся сигару и выпустил в сторону Лыкова облако сизого дыма.

– Я жду от вас рапорта о задержании этой Розетти и ее своры. Дело нужно закрывать. Общество должно видеть, что полиция не дремлет и пресекает эту заразу на корню.

Лыков молчал мгновение, собираясь с мыслями. Он чувствовал, как сжимается пружина. Ему предлагали простое, удобное и всеми одобряемое решение. Нужно было лишь согласиться, подписать пару бумаг – и дело будет закрыто, начальство довольно, а он сможет спокойно вернуться к другим, менее резонансным делам. Но что-то внутри, его профессиональное чутье, отточенное годами расследований, кричало, что это ложь.

– Ваше превосходительство, у меня есть серьезные основания полагать, что это не самоубийство. И что мадам Розетти и ее салон – это лишь инсценировка, призванная пустить следствие по ложному пути.

Брови Хвостова поползли на лоб. Он опустил в свое массивное кожаное кресло, которое протестующе скрипнуло под его весом.

– Инсценировка? Лыков, вы в своем уме? Что за романы вы мне тут рассказываете? Какие у вас могут быть основания?

– Письмо, – начал Лыков, загибая палец. – Оно написано слишком спокойно, слишком каллиграфически. Так не пишут люди за шаг до смерти. Тетрадь с символами – это не мистические откровения, а аккуратные чертежи, скопированные из какой-то книги. Свечи... я отдал их на химический анализ, но уже сейчас могу сказать, что состав их весьма далек от церковного воска. Все это... слишком театрально. Слишком гладко.

Хвостов слушал его, и его лицо каменело. Он затушил сигару в массивной пепельнице с такой силой, будто хотел раздавить голову своему собеседнику.

– Театрально, говорите? А я вам скажу, что театрально, Арсений Петрович. Театрально – это когда сыскной пристав вместо выполнения прямого приказа начинает строить теории заговора на пустом месте! Меня не интересуют ваши предчувствия и догадки о каллиграфии. Меня интересует результат! Есть труп. Есть секта, которая довела девицу до греха. Это мотив. Это состав преступления. Ваша задача – оформить это на бумаге и передать дело в суд. Все!

Его голос поднялся до рыка. Он ударил мясистым кулаком по столу, и бронзовый чернильный прибор подпрыгнул.

– Я даю вам двадцать четыре часа, Лыков. Ровно сутки. Чтобы на моем столе лежал ордер на арест Розетти. Если через сутки его не будет, этим делом займется кто-нибудь другой. А вы поедете... ну, скажем, расследовать кражу кур в Новой Деревне. Я понятно излагаю?

Лыков смотрел прямо в налитые кровью глаза генерала. Он понимал, что спорить бесполезно. Это был не разговор, а ультиматум.

– Так точно, ваше превосходительство, – ровно ответил он.

– Вот и славно. Можете идти. Работайте.

Лыков повернулся и вышел из кабинета, плотно притворив за собой тяжелую дверь, которая отсекала его от генеральского гнева. В коридоре он на несколько секунд прислонился к холодной стене, давая утихнуть внутреннему напряжению. Двадцать четыре часа. Ему дали всего сутки, чтобы либо найти доказательства своей теории, либо сдаться и пойти на поводу у начальства, арестовав невиновных и позволив настоящему убийце уйти.

Свой кабинет показался ему тихой гаванью после бури. Он зажег лампу под зеленым абажуром, и ее мягкий свет выхватил из полумрака привычные вещи: стопки дел, перевязанные тесьмой, карту города на стене, старый телефонный аппарат на углу стола. Он налил себе стакан остывшего чая, от которого пахло дымом самовара, и сел в свое продавленное кресло. Вкус у чая был горький, как и его мысли.

Он выложил на стол те улики, что были при нем: копию «предсмертного» письма и тетрадь с символами. Он смотрел на них, и перед его мысленным взором вновь и вновь возникала сцена в оранжерее. Идеальный круг цветов. Безмятежное лицо мертвой девушки. И четыре нетронутые свечи.

Свечи.

Он снова вспомнил свой короткий разговор с околоточным Ключевым там, в особняке, и свой мимолетный диалог с мадам Розетти. «Садовник использует очень похожие для отпугивания вредителей». Тогда это была лишь догадка, укол, брошенный наугад, чтобы проверить реакцию. Но теперь, после ультиматума Хвостова, эта мысль обрела вес, становилась почти материальной.

Пазл не складывался. Если убийцы – сектанты, зачем им использовать свечи, состав которых не имеет ничего общего с ритуалом? Зачем им так тщательно, почти по-чертежному, выкладывать цветочный круг? Почему письмо написано так, словно его диктовали под запись?

Лыков встал и подошел к карте. Его палец нашел Английскую набережную, затем скользнул к Гороховой. Два полюса этого дела. Роскошный особняк и сомнительный салон. Все указывало на связь между ними. Но что, если эта связь – ложная? Что, если настоящий центр, настоящая разгадка находится не на этой карте, а там, в том самом месте, где все и началось? В оранжерее.

Он понял. Свеча. Садовник. Не ритуал. Обман.

Ритм сердца ускорился, как бывает в моменты озарения, когда разрозненные детали вдруг начинают стягиваться к единому центру. Все указывало на оранжерею, на этот искусственный рай. Цветы для круга были взяты оттуда. Тело нашли там. И свечи, эти странные, пахнущие химией свечи... их место было там, среди растений, а не в оккультном ритуале. Это был не мистический шепот, а холодный, безжалостный расчет. Убийца не просто подбросил улики, он использовал предметы, которые уже были на месте преступления, лишь придав им новое, ложное значение. Он был не пришлым фанатиком. Он был кем-то, кто знал этот дом, знал оранжерею, знал ее секреты. Кем-то изнутри.

Лыков вернулся к столу. Время играло против него. Сутки – это ничтожно мало. Но теперь у него была нить. Тонкая, почти невидимая, пахнущая серой и карболкой, но это была нить, ведущая прочь от ярких, но фальшивых декораций спиритического салона вглубь темного, душливого мира семейных тайн дома Лебедевых.

Он снял телефонную трубку и несколько раз нетерпеливо покрутил ручку индуктора.

– Барышня, соедините меня с околотком на Английской набережной... Да, участок Клюева.

Пока на линии раздавался треск и щелчки, он смотрел в темное окно, за которым кружился и падал снег, укрывая город белым покрывалом, под которым так легко спрятать любую грязь, любую ложь, любое преступление.

– Клюев? Лыков говорит, – произнес он в трубку, когда на том конце провода отозвался знакомый голос. – Мне нужен садовник купца Лебедева. Герр Штольц. Да, тот самый, что нашел тело. Найдите его и немедленно доставьте ко мне. В Сыское. И проследите, чтобы по дороге он ни с кем из домашних не разговаривал. Это чрезвычайно важно. Жду.

Он повесил трубку. Тяжелый эбонитовый рычаг щелкнул с окончательностью принятого решения. Он закурил свою трубку, и горьковатый дым наполнил комнату. Он будет ждать. Теперь игра пойдет по его правилам. Часы на стене размеренно тикали, отсчитывая двадцать четыре часа, которые были ему отпущены. Времени было мало, но для того, кто знает, где искать, порой достаточно и одного мгновения.

Карты теней

Тихий скрежет сапог по посыпанному песком коридору был единственным звуком, нарушавшим сонное бормотание Сыскного отделения. Ночь полностью вступила в свои права, поглотив остатки сумерек, и теперь лишь газовые рожки на улице бросали на потолок дрожащие, водянистые отсветы. В кабинете Лыкова пахло остывшим чаем, теплым металлом керосиновой лампы и табачным дымом, который лениво клубился под низким потолком, словно заблудившееся облако. Пристав сидел за своим столом, не зажигая верхнего света, и мягкий зеленый круг от абажура выхватывал из полумрака лишь его руки, стопку бумаг и старую медную пепельницу. Он ждал. Часы на стене отмеряли уходящие минуты ультиматума Хвостова с безразличной точностью метронома, но Лыков не чувствовал спешки. Он погрузился в то особое состояние сосредоточенного спокойствия, когда мир сужается до одной-единственной задачи, и все лишнее отсекается, как кора с дерева.

Дверь скрипнула, и в проеме, подталкиваемый молодым городовым, появился герр Штольц. Садовник Лебедевых казался еще меньше и суше, чем Лыков его себе представлял. Он был похож на высохший корень имбиря: жилистый, кряжистый, с морщинистым лицом цвета старой глины и выцветшими голубыми глазами, в которых плескался вечный, неуходящий испуг. От его тулупа, с которого еще не стоял снег, пахло оранжереей – влажной землей, прелой листвой и чем-то острым, аптечным. Он снял шапку, обнажив лысый, блестящий от пота череп, и сжал ее в своих узловатых, покрытых вьезшейся грязью руках.

– Господин пристав... звали? – его русский язык был правильным, но жестким, словно он выговаривал слова, высеченные из камня.

– Проходите, герр Штольц. Садитесь. Не бойтесь, – голос Лыкова был ровным и тихим, он намеренно смягчил его, видя, как дрожит старик. – Чаю?

Садовник замотал головой так энергично, что несколько капель с его волос упали на пол. Он опасливо присел на самый краешек стула, поставив сапоги вместе и положив шапку на колени. Он смотрел не на Лыкова, а куда-то в сторону, на темный угол кабинета, словно ожидал, что оттуда сейчас появится нечто ужасное.

– Вы давно служите у господ Лебедевых? – начал Лыков издали, раскуривая погасшую трубку.

– Двадцать два года, господин. Как приехал из Саксонии. Сначала помощником был, у старого садовника. Потом, как он помер, меня Кирилл Афанасьевич на его место поставил. Я всю оранжерею своими руками... каждый черенок, каждую веточку...

– Значит, вы знаете в ней каждый уголок. Каждое растение.

– Ja, natürlich. Конечно, – кивнул Штольц. – Это моя жизнь. Мой мир. Там всегда тепло. Всегда лето.

– В вашем летнем мире водятся вредители, герр Штольц? – вопрос прозвучал буднично, словно Лыков интересовался погодой.

Садовник вздрогнул. Страх в его глазах на мгновение сменился профессиональным возмущением.

– Вредители есть везде, где есть жизнь! Паутинный клещ, щитовка, мучнистый червец... Эти твари... они как чума! Если упустить, они сожрут все. Весь мой рай! С ними нужна война. Беспощадная.

– И какое же у вас оружие в этой войне?

Лыков подался вперед, и зеленый свет лампы осветил его лицо, сделав его похожим на строгую маску. Штольц сглотнул, его кадык дернулся на худой шее. Он понял, что разговор перестал быть общим.

– Разные... Отвар табачной пыли. Мыльный раствор. Но против самой злой твари, против клеща, нужно средство посильнее. Fumigationskerzen. Дымовые свечи. Я сам их делаю. По старому немецкому рецепту.

– Расскажите мне этот рецепт.

– Это... секрет, господин пристав, – пролепетал садовник. – Но вам... вам я скажу. Основа – парафин и немного воска, чтобы горело ровно. Туда я добавляю толченую серу, сушеный табак, самый крепкий, и... – он понизил голос до шепота, – немного мышьяковистого ангидрида. Совсем чуть-чуть. Для верности. Дым от такой свечи убивает всю заразу наповал. Но и для человека он... не полезен. Я зажигаю их на ночь, плотно закрываю двери и ухожу. А утром все проветриваю.

Лыков молчал, давая словам старика повиснуть в прокуренном воздухе кабинета. Вот и разгадка химического следа. Не оккультные благовония. Не сера из преисподней. А обыкновенное, убийственно-эффективное средство от насекомых.

– Где вы храните эти свечи?

– В моем сарае, за оранжереей. В жестяной коробке из-под леденцов. Там же и все компоненты. Все под замком. Ключ только у меня.

– Только у вас? – Лыков посмотрел старику прямо в глаза, и под этим взглядом Штольц поежился.

– У меня... – начал он и запнулся. – И... дубликат есть. Управляющего, Прохора Игнатьевича. На случай, если со мной что... пожар, или еще какая беда. Он так велел. И... молодой барин, Дмитрий Кириллович, он иногда заходит. Интересуется ботаникой, редкими видами. Он знает, где я держу ключ от сарая. Он умный, все запоминает.

Лыков медленно кивнул. Круг сужался. Управляющий. И Дмитрий.

– Герр Штольц, посмотрите сюда. – Он выдвинул ящик стола и извлек оттуда ту самую свечу, которую забрал с места преступления. Он положил ее в круг света рядом с лампой. – Это ваша работа?

Садовник наклонился, его нос почти коснулся воскового цилиндра. Он втянул воздух, и его глаза расширились от ужаса и узнавания.

– Моя... Я. Это моя свеча. Но... как? Их было четыре. На месте... там... я видел! Я подумал... демоны... сатанисты принесли свои, адские... А это были мои! Господин пристав, клянусь всеми святыми, я не брал их! Я...

– Я верю вам, герр Штольц, – прервал его Лыков. – Вы свободны. Городовой проводит вас домой. И вот мой вам совет: никому ни слова о нашем разговоре. Ни хозяину, ни управляющему, ни молодому барину. Ни единого слова. Вы меня поняли?

Старик закивал так отчаянно, будто от этого зависела его жизнь. Он вскочил, пятась к двери, и исчез в коридоре так же тихо, как и появился. Лыков остался один. Теперь он знал наверняка. Спиритизм был ложью. Ритуал был ложью. Все было ложью. Убийца не принес с собой ничего чужеродного. Он использовал то, что было под рукой. Он взял цветы из оранжереи. Он взял свечи из сарая садовника. Он был своим. Он был частью этого дома.

Не успел он погрузиться в размышления, как в дверь снова постучали. На этот раз стук был иным – коротким, уверенным, почти требовательным.

– Войдите.

На пороге стоял Дмитрий Лебедев. Он был одет с той же безупречной элегантностью, что и утром, но теперь на нем было дорогое, подбитое бобром пальто, от которого пахло морозом и тонким ароматом одеколона. Снег таял на его темных волосах мелкими блестящими каплями. В руках он держал объемистую папку из тисненой кожи. Его лицо было бледно, но спокойно; лишь в глубине темных глаз застыло то же холодное, внимательное выражение.

– Прошу прощения за поздний визит, господин пристав. Я подумал, это может быть важно.

Он вошел, не дожидаясь приглашения, и положил папку на стол Лыкова. Движения его были точны и экономичны, как у хорошего фехтовальщика.

– Отец немного пришел в себя. Мы разбирали бумаги в кабинете сестры... и нашли это. Ее личные дневники.

Лыков посмотрел на папку, затем на Дмитрия.

– Вы их читали?

– Я счел это своим долгом, – ответил Дмитрий без тени смущения. – Я искал ответы. Пытался понять, что толкнуло ее на этот... шаг. – Он произнес последнее слово с едва заметной запинкой, словно подбирая наиболее подходящий эвфемизм. – Там много девичьих грез, жалоб на скуку... Но последние записи... они другие. Они полны туманных намеков, странных фраз. Она пишет о своем «Учителе», о «Великом Посвящении». И... там есть зашифрованные строки. Мы с отцом не смогли их разобрать. Возможно, у вас получится. Это может быть ключ к именам тех, кто довел ее до такого состояния.

Он говорил идеально. Голос скорбящего, но деятельного брата, который подавил собственное горе, чтобы помочь правосудию. Он не просто принес улики – он дал им интерпретацию, направил мысль следователя в нужное русло. «Учитель». «Посвящение». Все это идеально ложилось в канву спиритической версии.

– Благодарю вас, Дмитрий Кириллович. Это действительно может помочь, – сказал Лыков, не выказывая ни удивления, ни подозрения. Он играл свою роль в этом спектакле так же усердно, как и его визави. – Как ваш отец?

– Сложно сказать, – Дмитрий пожал плечами, и бобровый воротник на мгновение скрыл его подбородок. – Он раздавлен. Анна была его любимицей. Вся эта история с пожаром... много лет назад... она отняла у него жену, а теперь... теперь это. Он винит себя, что не уберег.

Упоминание о пожаре было брошено вскользь, как деталь семейной хроники. Но Лыков отметил его. Каждая оброненная фраза в этом доме могла быть ключом.

– Я сделаю все возможное, чтобы найти виновных, – заверил его Лыков.

– Я не сомневаюсь в этом, пристав, – Дмитрий одарил его короткой, холодной улыбкой, которая не коснулась глаз. – Если вам понадобится еще что-то, любые бумаги, любая информация – я к вашим услугам. Мы хотим, чтобы это закончилось как можно скорее.

Он откланялся и вышел, оставив после себя лишь легкий запах дорогого парфюма и папку с дневниками, лежавшую на столе, как подброшенная карта в игре с неизвестными правилами.

Лыков подождал, пока шаги в коридоре не стихнут. Затем он открыл папку. Внутри лежали три пухлые тетради в сафьяновых переплетах с золотым тиснением. Он открыл первую. Почерк был округлым, порывистым, типично девичьим. Страницы были заполнены впечатлениями от прочитанных книг, описаниями балов, жалобами на строгость отца и тоску, которую она называла «болезнью позолоченной клетки». Лыков быстро пролистывал страницы, его наметанный глаз выхватывал ключевые фразы.

«...Сегодня папа снова говорил о браке с князем Оболенским. Старый, скучный, пахнет табаком и нафталином. Неужели это и есть моя судьба? Стать украшением его дома, рожать ему детей и медленно увядать, как цветок в вазе?..»

«...Прочла новую книгу мадам Блаватской. Голова кружится от этих идей! Карма, реинкарнация, тайные учителя человечества... Неужели мир устроен так сложно и так прекрасно, а мы видим лишь его грубую оболочку?..»

Затем, примерно полгода назад, тон записей начал меняться. Девичья меланхолия уступала место лихорадочной экзальтации. Появились имена. Мадам Розетти. Аркадий Висленев.

«...Сегодня была у Р. Она невероятна! Она говорит с Ними так, словно они сидят в соседнем кресле. А. читал свои стихи о Лилит и астральных путешествиях. Я чувствовала, как стены комнаты растворяются, как мой дух готов вырваться на свободу...»

«...Отец устроил скандал из-за моих трат. Он ничего не понимает! Разве можно измерить деньгами путь к знанию? Он хочет заковать меня в цепи материи, а я стремлюсь к свету. Он мой тюремщик, пусть и любящий...»

Все это подтверждало версию, которую ему так настойчиво подсовывали. Но Лыков искал не подтверждения. Он искал трещины. И он их нашел.

В последней тетради, среди записей, сделанных за несколько недель до смерти, появились они. Строки, написанные иначе. Почерк менялся. Вместо порывистых, летящих букв появлялись ровные, почти чертежные знаки. Они были вписаны между обычными абзацами, словно тайные послания, скрытые на виду. Это и были те самые шифры, о которых говорил Дмитрий.

«...Сегодня Учитель дал мне новое задание. Я должна быть готова. (3.14.5) (112.1.12) (45.8.2). Великий Переход близок. Холодный огонь очистит меня...»

«...Он сказал, что я избрана. Моя жертва принесет плоды. (78.3.9) (2.17.4) (91.5.1). Тьма отступит перед светом, который я зажгу...»

Лыков достал чистый лист бумаги и начал выписывать группы цифр. На первый взгляд, это была абракадабра. Но структура была ясна. Три числа в каждой скобке. Страница, строка, слово. Классический книжный шифр. Простой, но эффективный, если не знать ключа – той самой книги, которую использовал шифровальщик.

Он откинулся на спинку кресла. Какую книгу могла выбрать Анна? Библию? Один из оккультных трактатов? Это было бы слишком очевидно. Он снова пролистал ее дневники, на этот раз вчитываясь не в мистическую чепуху, а в упоминания о литературе. И нашел. Запись, сделанная почти год назад.

«...Мадемуазель Бланшар подарила мне томик Верлена. «Сатурнические поэмы». Какая музыка в этих стихах! Какая тоска! «В сердце – рана от любви смертельной...» Он понимает мою душу лучше, чем кто-либо из живых...»

Лыков поднялся и подошел к книжному шкафу, стоявшему в углу его кабинета. Это была его личная, небольшая коллекция, его убежище от казенщины и протоколов. Он провел пальцем по корешкам. Бодлер, Рембо, Верлен... Да. Вот он. Небольшой томик в потертом картонном переплете. Он принес его к столу, положил под лампу рядом с дневником. Воздух в комнате, казалось, загустел от напряжения.

Он начал работать. (3.14.5). Третья страница, четырнадцатая строка, пятое слово. «...старый...». (112.1.12). Сто двенадцатая страница, первая строка, двенадцатое слово. «...парк...». (45.8.2). Сорок пятая страница, восьмая строка, второе слово. «...замерз...».

Старый парк замерз.

Лыков почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имевший отношения к сквозняку из окна. Он продолжил, его карандаш летал по бумаге, выхватывая слова из поэтических туманов и выстраивая их в жесткие, прозаические ряды.

(78.3.9) (2.17.4) (91.5.1) – «Его глаза словно лед».

(15.9.6) (54.1.8) (102.11.3) – «Тень за плечом ждет».

(21.4.7) (66.2.1) (120.10.5) – «Он требует последней платы».

Слова складывались в странные, зловещие фразы. С одной стороны, они идеально вписывались в мистический бред. «Учитель», «Тень», «плата» – все это могло относиться к лидеру секты или астральной сущности. Дмитрий, подбрасывая дневники, несомненно, рассчитывал именно на такую трактовку. Но Лыков видел иное. Он видел не мистику, а страх. Конкретный, почти осязаемый страх перед кем-то из плоти и крови. Кем-то, чьи глаза – «словно лед». Кем-то, кто стоит «за плечом» и требует «платы».

И почерк. Шифрованные вставки были сделаны не порывистой рукой восторженной мистической деви. Они были выведены с тем же холодным, математическим нажимом, что и пентаграммы в ритуальной тетради и строки в фальшивом предсмертном письме. Это была рука человека, не выражающего эмоции, а фиксирующего факты. Или... рука человека, пишущего под диктовку. Под диктовку того, кто стоял за плечом.

Лыков отложил карандаш. Лампа тихо гудела. Часы на стене пробили три раза. До рассвета оставалось всего несколько часов. Ультиматум Хвостова истекал. У него не было доказательств. У него была лишь цепь улики, которая вела в никуда, и расшифрованные строки, которые могли означать все, что угодно. Дмитрий Лебедев сыграл свою партию блестяще. Он не просто создал ложный след, он укрепил его, подбросив улику, которая выглядела как ключ, но на самом деле была лишь еще одной дверью в лабиринте лжи.

Лыков посмотрел на расшифрованные фразы. «Старый парк замерз». «Его глаза словно лед». Это была не карта к сокровищам. Это была карта теней, набросанная рукой жертвы перед смертью. И чтобы прочесть ее правильно, нужно было понять, какие реальные события, какие реальные люди скрываются за этими поэтическими образами. Кто был тем «Учителем», чей взгляд охлаждал душу Анны Лебедевой сильнее петербургской зимы? Искать его следовало не в полумраке спиритических салонов, а в ледяном свете, заливающим роскошные комнаты особняка на Английской набережной. Он взял чистый лист бумаги. Времени почти не осталось, и нужно было действовать. Он начал составлять список. Список всех, кто имел доступ к сараю садовника, кто знал о странностях Анны, кто был в доме в ночь убийства. Имя Дмитрия Лебедева он подчеркнул дважды.

Цена молчания

Рассвет просачивался в мир неохотно, разбавляя ночную синеву жидким и холодным, как обезжиренное молоко, светом. Город, еще не стряхнувший с себя остатки тяжелого сна, издавал первые, глухие звуки: где-то вдалеке заскрежетала по брусчатке лопата дворника, из ворот выехала одинокая бочка молочника, оставляя на свежем снегу темные, влажные колеи. Воздух, очищенный ночным морозом и снегопадом, был хрупок и чист, и каждый звук в нем казался отчетливым и значительным. Лыков стоял у окна своего кабинета, допивая последний глоток обжигающе горячего, горького чая. Зеленое стекло абажура отбрасывало на его лицо нездоровый, мертвенный отсвет, углубляя тени под глазами. Он не спал. Ночь прошла в безмолвном диалоге с исписанными листами бумаги – дневниками Анны, расшифрованными строками, списком имен, где одно было подчеркнуто дважды.

Ультиматум Хвостова тикал в его сознании так же неотвратимо, как часы на стене. Оставалось меньше половины отпущенного срока. Он мог бы исполнить приказ. Ворваться в салон мадам Розетти, произвести аресты, представить начальству складный и всеми ожидаемый отчет. Это было бы просто. Но это было бы ложью. А Лыков ненавидел ложь не из соображений морали, а из профессионального педантизма. Ложь была браком в работе, неаккуратно подогнанной деталью в сложном механизме истины, которая рано или поздно приводила к поломке всего дела.

Теория, выстроенная им за ночь, была стройной, логичной, но почти эфемерной. Она держалась на нюансах: на составе свечи, на каллиграфии письма, на странных, пугающих образах, извлеченных из стихов Верлена. У него не было ни одного прямого доказательства, ни одного свидетеля. Он держал в руках карту теней, но ему нужен был тот, кто зажег бы свет, пусть даже на мгновение. Ему нужен был человек изнутри. Тот, кто был частью механизма молчания, но чьи шестеренки уже начали проскальзывать от страха.

Он поставил пустой стакан на стол. Решение пришло само собой, без мучительных раздумий. Чтобы поймать зверя, нужно вернуться в его логово. Но не с ружьем наперевес, а с сетью наблюдателя, чтобы заметить малейшее движение, малейший шорох в подлеске. Он снова поедет в особняк на Английской набережной. Не для допросов. Для наблюдения.

Пролетка катила по утреннему, почти безлюдному городу. Снег прекратился, и над крышами домов небо начало светлеть, приобретая цвет старого олова. Особняк Лебедевых встречал его той же неприступной тишиной, что и накануне. Но теперь Лыков смотрел на него другими глазами. Он видел не просто дом скорби, а запечатанный сосуд, внутри которого под давлением зрели ядовитые испарения старых тайн. Городовой у входа, сменивший ночного, удивленно вскинул на него глаза, но козырнул и молча пропустил.

Внутри царил полумрак. Тяжелые портьеры на окнах еще не были раздвинуты. В огромном холле было холодно, как в склепе. Огонь в камине погас, и от него тянуло запахом остывшей золы. Единственным живым существом здесь был старый дворецкий, Гаврила. Он стоял у подножия лестницы с медным тазом и тряпкой, но не двигался, застыв в странной, напряженной позе, словно прислушиваясь к чему-то в глубине дома. Услышав скрип входной двери, он вздрогнул так сильно, что таз качнулся, и вода плеснула на ковер темным пятном.

– Ваше высокоблагородие... – он обернулся, и Лыков увидел его лицо в тусклом утреннем свете. За одну ночь старик словно усох, осунулся. Пергамент его кожи пожелтел, а под глазами залегли глубокие, фиолетовые тени. Взгляд его был мутным и бегающим. Он не смотрел на Лыкова, он смотрел сквозь него, на дверь за его спиной, словно боялся, что кто-то войдет следом.

– Я не буду вас беспокоить, Гаврила, – сказал Лыков ровным, спокойным голосом. – Хочу еще раз осмотреть оранжерею. При дневном свете.

– Как прикажете, сударь, – пробормотал дворецкий, кланяясь ниже, чем того требовал этикет. – Прошу...

Он двинулся вперед по коридору, но его походка изменилась. Накануне он шел с прямой, вымуштрованной спиной старого слуги. Теперь он сутулился, семенил, постоянно оглядываясь через плечо. Он не вел пристава, он бежал от него. Лыков следовал за ним на некотором расстоянии, не производя ни звука. Он наблюдал. Он видел, как дрожат руки старика, когда тот взялся за ручку двери в зимний сад. Видел, как он торопливо отступает в сторону, пропуская его, словно боится оказаться в замкнутом пространстве даже на несколько секунд.

– Можете быть свободны, – бросил Лыков, входя в оранжерею.

Дворецкий скрылся с такой поспешностью, будто за ним гналась стая волков.

В зимнем саду было тихо и светло. Утренний свет, рассеянный матовым стеклом потолка, заливал все ровным, молочным сиянием. Тела уже не было. Цветочный круг был нарушен, растоптан ногами экспертов и полицейских. Теперь это было просто скопление увядающих, умирающих цветов на мху, жалкое и безобразное в своей разрушенной симметрии. Запах гниения стал сильнее, смешиваясь с ароматом влажной земли. Лыков не стал здесь задерживаться. Он прошел через всю оранжерею и вышел через вторую, служебную дверь в небольшой коридор, ведущий во внутренний двор. Здесь пахло иначе: углем, щами из людской кухни и сыростью каменных стен.

Он нашел то, что искал: маленькое, засиженное мухами окно в кладовой, выходившее как раз на задний двор и черные ходы. Отсюда он мог видеть почти все служебные постройки: ледник, сарай садовника, прачечную и массивные кованые ворота, выходившие в глухой переулок. Он притаился в тени стеллажей, заставленных банками с соленьями, и стал ждать, превратившись в слух и зрение.

Ждать пришлось недолго. Минут через десять в арке ворот, ведущих на улицу, показалась массивная фигура. Это был один из ночных охранников, нанятых Лебедевым после нескольких краж в соседних особняках. Лыков видел его мельком накануне. Человек, похожий на каменную глыбу, одетый в грубый овчинный тулуп, с тяжелой челюстью и маленькими, глубоко посаженными глазками. Звали его Степан. Он не ушел со своего поста, хотя его смена давно закончилась. Он стоял в тени арки, переминаясь с ноги на ногу и выдыхая в морозный воздух густые облака пара. Он явно кого-то ждал.

И этот кто-то появился. Из двери черного хода, озираясь по сторонам, как вор, выскользнул дворецкий Гаврила. На нем не было его форменного сюртука, только жилет поверх

рубашки, и он ежился от холода, обхватив себя руками за худые плечи. Он быстро подбежал к охраннику.

Лыков замер, превратившись в часть сумрака кладовой. Расстояние было слишком велико, чтобы расслышать слова, но он видел все. Это был не разговор. Это была передача инструкций. Говорил только охранник – коротко, отрывисто, тыча толстым пальцем в грудь старика. Гаврила не отвечал, лишь кивал, съежившись под этим напором. Его лицо было искажено гримасой страха. Затем Степан сунул руку за пазуху тулупа и извлек оттуда что-то небольшое. Он небрежно сунул это в руку дворецкого. Гаврила посмотрел на свою ладонь, и его лицо перекосилось еще сильнее. Он попытался что-то сказать, может быть, возразить, но охранник сделал короткое, угрожающее движение, и старик замолчал, сжав кулак. Степан еще раз сказал что-то, похлопал его по плечу – похлопал так, что дворецкий пошатнулся, – развернулся и, не оглядываясь, ушел в переулок.

Гаврила еще несколько мгновений стоял неподвижно, глядя ему вслед. Затем он разжал кулак и посмотрел на то, что в нем было. Даже с такого расстояния Лыков разглядел пачку кредитных билетов. Не очень большую, но и не маленькую. Старик торопливо, скомкав, сунул деньги в карман брюк и почти бегом бросился обратно к черному ходу, едва не поскользнувшись на обледенелом камне.

Лыков не двинулся с места. Он дал старику время вернуться в дом, успокоиться, спрятать деньги. Он не собирался устраивать сцен с обыском и криками. Это было бы грубо и неэффективно. Он пойдет другим путем.

Он вышел из своего укрытия и медленным, размеренным шагом направился в дом. Он нашел Гаврилу в буфетной – небольшой, тесной комнате рядом со столовой, заставленной высокими шкафами с фарфором и серебром. Здесь пахло мелом для чистки и чем-то кислым, винным. Дворецкий стоял спиной к двери и лихорадочно протирал салфеткой серебряный поднос, хотя тот и без того сверкал до зеркального блеска. Его руки ходили ходуном, и поднос в них тихо звенел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.